

ISSN 0000-0000

НОВЫЙ МИР

7

2022

Новый мир 2022/7

Сергей Круглов «Синодик»

Стихи

Даша Матвеевко «Чужая юность»

Роман

Юлиана Новикова «Город-городок»

Стихи

Владимир Березин «Плюти-плют»

Повесть

Александр Радашкевич «За незапамятным небом»

Евгений Бесчастный «Нобелевская премия»

Рассказы

Станислав Минаков «По песку искупленья»

Стихи

Тииджьина Теегина «Три рассказа»

Максим Глазун «Наследство»

Стихи

Анна Голубкова «Записки неизвестного»

Эссе

философия. история. политика

Владимир Варава «Целая минута блаженства»

опыты

Калле Каспер «Замогильные записки»

литературоведение

Антон Азаренков «Призыв к порядку. Иосиф Бродский и Игорь Чиннов»

рецензии. обзоры

Дмитрий Бавильский «Жизнь и смерть вуглускра застойной поры»

Александр Марков «Из тени в светотень перелетая»

Ольга Христофорова «Хохот шамана и плач этнографа»

кинообозрение натаљи сиривли

Наталья Сиривля «Рецепт выживания»

библиографические листки

Сергей Костырко «Книги: Выбор Сергея Костырко»

Андрей Василевский «Периодика»

Березин Владимир Сергеевич родился в 1966 году в Москве. Прозаик, критик. Автор нескольких книг прозы и биографических исследований. Постоянный автор «Нового мира». Живет в Москве.

ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН

*

ПЛЮТИ-ПЛЮТ

Повесть вневременных лет

Чаще всего это происходит на дачной веранде, после вечернего чая, после необременительной карточной игры и опять разговоров, когда некуда торопиться. Впереди долгий барский завтрак, переходящий в обед, блик графинчика в буфете в тот момент, когда Арнольд Петрович решил сам найти соль, и Фирс будет трясти головой, отвечая на незаданный вопрос.

А сейчас, в этой минутной паузе, когда утихли разговоры, только звякнула ложечка, но еще не стукнулось снова горлышко бутылки о рюмку, когда все уже устали говорить, нужно прислушаться.

Многое этому мешает, да разговоры на такой веранде всегда утомляют. И все оттого, что люди на верандах во всю мочь спорят о жизни, которой нет, но, может, была, очень сильно напирая на то, что у немцев железная воля, а у нас ее нет — и что потому нам, слабовольным людям, с немцами опасно спорить — и едва ли можно справиться. Словом, ведут спор, самый в наше время обыкновенный и, признаться сказать, довольно скучный, но неотвязный, и, вот, утомившись, все же надо замолчать.

Тогда в ночной дачной тишине можно услышать тонкий звук — чуть громче комара, чуть тише падения бадьи в шахту.

Это — плюти-плют — во тьме летит многоликий Карлсон.

УБИЙСТВО НА УЛИЦЕ ГЕНЕРАЛА КОРГИНА

Кто в нашем уездном казачестве прибрал к рукам казенные суммы, и кто увел лошадей исправника, — уж на что это, кажется, мудреные вопросы, а какая-то догадка и здесь возможна.

Николай Лесков, «Сельское кладбище»

— Что это там? — спросил Шуйский. — Здание больно неприятное.

— Так это морг напротив. Там, за забором, больница святого Евстафия, бывшая имени Коминтерна, — ответил я.

— Это многое объясняет. Вы ж математик, обожаете загадки, ребусы? Вам, должно быть, приятно разгадывать кроссворды с фрагментами... Вы знаете, что такое кроссворд с фрагментами?

Я не знал.

— Ну так это, — продолжил Шуйский, — часть советской жизни. Интеллектуалы, ну, то, что называлось тогда «советскими интеллигентами», выписывали на дом журнал, в котором были не просто вопросы, а вопросы с картинками и цитатами.

Мы стояли на прекрасном весеннем ветерке у окна. Остальное казалось менее прекрасным. Окно было выбито, квартира разгромлена, а на полу мелом обвели контур. Шуйский высунулся наружу и потрогал желтую газовую трубу, проложенную вдоль дома. Результатом он явно остался недоволен.

Я познакомился с Шуйским странно — в книжном магазине. Нас объединила страсть к бумажным книгам, которые сейчас мало кто покупал. Мы одновременно схватились за один и тот же том Герцена величиной с могильную плиту, а потом одновременно (из уважения друг к другу) отняли руки. Книга ударилась в пол антикварного магазина, подняв облако пыли.

Шуйский происходил из богатой семьи, но как-то внезапно обеднел (он не рассказывал о подробностях), от былого достатка за ним числилась только большая квартира в сталинском доме на Садовом кольце. Он сдавал ее, а сам жил в крохотной комнатке на бульварах.

Как-то мы с ним сидели в кофейне и беседовали о теории струн и формальной логике. Шуйский меланхолично сказал, что построение логических цепочек напрасно обожествляют. У него был знакомый шахматист, который уверял, что в шахматном уме нет ничего интересного.

— Умеющий играть в шахматы всего лишь умеет играть в шахматы, — сообщил мне Шуйский, а потом прибавил: — А последователи этой недотыкомки в шапке с двумя козырьками напрасно хвалятся дедукцией, не умея отличить ее от индукции и абдукции. Им невдомек, что индукция довольно точна, а...

Я смотрел на экран огромного телевизора, в котором чередой рассказывали об успехах нашего градоначальника. Успехи логично сменились происшествиями, и перед тем, как рассказать о погоде, ведущий налил немного крови нам в блюдца.

«Убийство на улице генерала Коргина», — произнес ведущий и вдруг исчез. Его заменил вид старой пятиэтажки, рядом с которой стоял возбужденный человек в тельняшке и делал такие движения руками, будто обнимал невидимую женщину. Сперва я принял его за дворника, но, оказалось, что это сосед-очевидец. Телевизионный человек с явным удовольствием произнес слова «расчлененное тело», а моряка заменила женщина с сильно увеличенными губами, наряженная в синий китель, взятый напрокат из «Звездных войн». Она хмуро сказала, что все под контролем.

Я обнаружил, что Шуйский внимательно смотрит на экран.

— Когда Алиса говорит, что все под контролем, это значит, что следственный комитет в полном недоумении, — ответил Шуйский на незаданный вопрос. — Если вы поняли, это — эвфемизм.

— Вы ее знаете?

Но он уже не слушал.

— Поедем-ка туда. Перед нами задача не шахматная, а настоящая.

Я и раньше знал, что Шуйский имел знакомства в полиции, но обнаружил, что его знала вся следственная группа. Одни улыбались Шуйскому искреннее, а другие — кисло, будто объелись мочеными яблоками.

Он обернулся ко мне:

— Запомните, худого следователя зовут «Колобок», толстого — «Дрищ», — по-моему, очень легко запомнить. При этом «Колобок» — фамилия, а «Дрищ» — нет.

Мне показалось, что следственная бригада хрюкнула в свои маски. Главных действительно было двое — толстый и тонкий. По мне, так они смотрелись как Пат и Паташон. Шуйскому (а заодно и мне) они рассказали, что тут жила пенсионерка Полосухер вместе с дочерью. Соседи услышали страшный шум поутру, но, когда приехал наряд, крики стихли. Дверь все же вскрыли, и наряд с грустью увидел разгром, побоище и труп несчастной Полосухер с рублеными ранами. Когда его поднимали, то отвалилась не только голова, но и ноги. Дочь никак не могли найти. Ничего живого не осталось в квартире, под окном лежаладохлая кошка, и даже горшки с геранью были безжалостно разбиты.

Шуйский перестал пялиться на пейзаж за окном и сказал:

— Где несчастная женщина, мне понятно, но куда интереснее мотив.

Толстый следователь отвечал, что подозреваемые очевидны.

— Мммм?

— Это толкинисты. Полосухер жила гаданиями, картами Таро и ругалась с толкинистами на их сайтах. Все знают, что толкинисты вооружены.

— Но отчего не предположить, что это новый Раскольников?

— Деньги не тронуты. Вот под столом рассыпаны.

— А, ну так это петлюровцы! Ведь Полосухер рубили шашками, как на Гражданской войне? Так вот, это — погром. Хотя нет, возможно, все же Раскольников...

Толстый следователь понял, что над ним издеваются, и обиженно засопел. Худой, впрочем, захихикал. В пальцах у худого был странный и очень длинный волос.

— Труп дочери в туалете, — меланхолично сказал Шуйский.

— Мы смотрели!

— Он в шкафу за унитазом. Но не тратьте времени, она умерла своей смертью, если можно считать астматический припадок чьей-то собственностью, — произнеся это, Шуйский потянул меня прочь из квартиры.

— А как вы догадались насчет дочери? — спросил я Шуйского.

— Тут и догадываться нечего. Как вы думаете, куда можно спрятаться в современной квартире? Да, только туда. Достаточно было посмотреть на ингалятор у зеркала, и второй — на столе. Бедняжка испугалась и спряталась в шкафу, и там у нее начался приступ. Но это все индукция и не так интересно.

Мы выбрались из подъезда на свежий воздух, Шуйский остановился и стал издали изучать кусты.

— Хотите посмотреть поближе?

— Вы бы мне еще предложили ползать на четвереньках и принюхиваться к окуркам. Это очень оскорбительно. Мне больше нравится думать, а не тыкать пальцами в старые собачьи какашки. И так видно, что кусты поломаны.

Шуйский всмотрелся вдаль, перевел взгляд на окна, откуда на свободу рвались занавески, потом снова прикинул что-то и вдруг довольно сухо попрощался со мной. Шуйский лег в такси, как вампир в гроб, и исчез.

Однако на следующее утро мы снова встретились в кофейне, на тех же местах перед телевизором. Ведущий новостей объявил, что наши доблестные правоохранители нашли убийцу. В квартире пенсионерки обнаружили обезьянью шерсть, а потом вышли на соседа, что привез обезьяну из Африки, где исполнял интернациональный долг. Теперь полицейские искали по всему городу сбегавшую обезьяну-убийцу.

— Ах, как это нехорошо, — произнес Шуйский у меня над ухом. — Они будут мучать этого старого дурака. И никто из них так и не понял, кто убил кошку мадам Полосухер. Надо торопиться.

В этот момент телефон его завибрировал.

— А вот и наша доблестная полиция. — Шуйский был отчего-то очень доволен. — Приглашаю вас на улицу Коргина, там мы и спасем этого моряка.

Рядом с уже знакомым мне местом нас ждал худой полицейский вместе с каким-то человеком в спецовке. В руках у мастерового был пластиковый ящик, какие носят с собой сантехники.

Мы свернули с улицы в какой-то проулок и пошли между гаражами. Пахло тут отвратительно, да и пейзаж мало напоминал картины Ватто.

Шуйский сверялся с каким-то одним известным ему маршрутом. Наконец он указал нам на ржавую дверь. Худой следователь мигнул слесарю, и тот вскрыл замок.

Гараж был пуст, только посередине, в лучах солнца, что пробивались через дырявую крышу, лежал мотор, похожий на мотоциклетный. На оси, торчавшей из центра агрегата, были видны обломанные лопасти.

Мы столпились внутри, ничего не понимая. Уверен был лишь Шуйский. Он внимательно осмотрел сперва дыру в потолке, затем мотор, а потом обернулся к Колобку:

— Вот ваш убийца.

Тот захлопал глазами, а Шуйский повторил ему, как ребенку, указывая на помятое железо:

— Вот, вот.

И вот мы снова сидели в кофейне. Пока я ждал Шуйского, в новостях появился старик в тельняшке, которого выгаликали из отделения полиции, а он вращал безумными глазами и отпихивал от себя микрофон. Про загадочную находку в гараже не было сказано ничего.

— У вас есть травмат? — спросил Шуйский, стремительно появившись у нашего обычного столика.

— Травмат? Да откуда? Зачем?

— На всякий случай. Я сделал одно объявление на аэродинамическом форуме, где пасутся одни задроты-ботаники, но всяко может случиться. Ладно, хоть возьмите вилку в руку. У нас гость.

Действительно, в кафе появился юноша довольно сублильного вида. Он испуганно озирался. Кажется, не только травматический пистолет, но и вилка не понадобятся.

— Я по объявлению. — Юноша вытянул шею. — Мотор у вас?

— Разумеется, — весело ответил Шуйский. — Но гараж придется чинить, и я бы хотел, чтобы вы оплатили хозяину ремонт.

Тот радостно закивал.

— А теперь расскажите, куда вы дели вашего напарника?

Юноша попытался вскочить, но Шуйский вовремя наступил на полу его плаща, так что наш гость рухнул обратно на стул.

— Николай Алексеевич умер. Вчера, в больнице.

И молодой человек стал рассказывать. Оказалось, что наш гость вместе со своим школьным учителем, Николаем Алексеевичем Карлсоном, построили уникальный двигатель, мощный и бесшумный, работающий на моченом песке. С помощью такого мотора человек мог летать не хуже вертолета.

Николай Алексеевич собрал соосную (при этих словах Шуйский зацокал языком) схему с двумя пропеллерами, приделал все это на спину и отправился в первый, и, как оказалось, в последний полет.

Но едва он поднялся в воздух, чья-то обезьяна, наблюдавшая за ним с балкона, принялась швыряться в изобретателя всем, что попадалось под руку. Видимо, она-таки попала в мотор, и что-то пошло не так. Николай Алексеевич, потеряв управление, влетел в верхнее окно пятиэтажки. Карлсон носился по квартире, как случайно залетевшая в форточку птица. Его помощник взобрался туда по газовой трубе и в ужасе смотрел, как учитель бьется о стены, а лопасти пропеллера рубят все, что попадаетеся им на пути. Наконец Карлсон случайно попал во второе окно и вывалился вон. Ремни порвались, и изобретатель упал в кусты. Двигатель же продолжил полет и исчез.

Несчастный юноша оттащил бесчувственного учителя в больницу святого Евстафия, бывшую Коминтерна. Врачи два дня боролись за его жизнь, но, как говорится, оказались бессильны. Наш собеседник, суций малыш с виду, оказавшийся соучастником страшного дела, зарыдал.

— А, не расстраивайтесь. — Шуйский похлопал его по плечу. — Я уже позвонил одному знакомому, он возьмет вас в свою лабораторию. Виновник погиб, двигатель майор Колобок отвезет в «Роскосмос», а Полосухер и ее дочь похоронят за государственный счет. Что еще? Квартира достанется ее родственнику из Киева, но не знаю, сумеет ли он вступить в права наследства из-за карантина.

Потом он добавил, уже обращаясь ко мне:

— Меня занимает другое: где все это время была обезьяна? Вот настоящая загадка, а все это мне уже скучно.